

УДК-323.1

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-1-5-18

ЧЕРНОГОРИЯ В ПОИСКАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Е. Ю. Мелешкина, И. А. Помигуев

Мелешкина Елена Юрьевна, доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Россия, Москва.
E-mail: elenameleshkina@yandex.ru (ORCID: 0000-0003-1339-7150).

Помигуев Илья Александрович, кандидат политических наук, доцент Департамента политологии, научный сотрудник, Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, Москва, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Россия, Москва.
E-mail: pomilya@mail.ru (ORCID: 0000-0003-3068-5664).

Аннотация

Анализируется современное политическое развитие Черногории сквозь призму государственного и национального строительства в условиях мультиэтничности и разногласий по поводу национальной и религиозной идентичности. В качестве основного аналитического инструмента используется концепция центр-периферийной полярности С. Роккана, раскрывающая влияние отношений между центром создаваемого государства/нации и периферии на национальное и государственное строительство. В работе рассмотрены исторические аспекты формирования национальной идентичности в Черногории, а также факторы, осложняющие процесс государственного и национального строительства, в том числе институционального характера. Авторы рассматривают разные уровни проблем, которые мешают проведению единой национальной политики государства по отношению ко всем «нечерногорским» группам: размежевания между черногорцами и сербами, черногорцами и другими этническими меньшинствами, черногорским государством и Сербской православной церковью. Проанализирован современный этап национально-государственного строительства, особенности влияния внешних игроков на этот процесс, а также результаты парламентских выборов 2020 г., по итогам которых к власти пришла оппозиция, во многом благодаря активным действиям иерархов Сербской православной церкви. Сделан вывод относительно эффективности институтов, обеспечивающих принятие политических решений и достижение консенсуса между различными этническими группами.

Ключевые слова: Черногория; СФРЮ; формирование государства; формирование нации; центр; периферия; национальные меньшинства; национальная идентичность.

Черногория – любимое место отдыха многих россиян. Более узкому кругу политиков и аналитиков она известна по новостям о вступлении в НАТО (2017 г.), попыткам государственного переворота (2016 г.), поддержкой санкций ЕС в отношении России (2014 г.). Интерес к национальному строительству нового для Европы и мира независимого государства пользуется повышенным вниманием со стороны зарубежных исследователей. Это вполне понятно: с 2010 г. Черногория обрела статус кандидата в члены ЕС¹, что во многом определило необходимость исследования возможностей этой страны в достижении поставленной цели. Особенно актуальными в этой связи являются работы, посвященные различным аспектам национального строительства (Jenne & Bieber, 2014; Morrison, 2016; 2017), политики идентичности (Džankić, 2014; Morrison, 2018; Vučković, 2019; Stankov, 2020), развития политических институтов в рамках демократического транзита (Bieber, 2010; Džankić, 2014; Moch'tak, 2015; Komar & Živković, 2016; Džankić, Soeren, 2017; Šturanović, 2018), оценке политического курса на интеграцию с НАТО и Евросоюзом (Džankić, 2014; Bešić & Spasojević, 2018).

В отечественной политической науке сложилось неоднозначное отношение к изучению политических процессов в Черногории, что проявляется в разнообразии тем исследований и трактовок

© Мелешкина Е. Ю., Помигуев И. А., 2021

¹ Communication from the Commission to the European parliament and the Council (2010), *European commission*, 9 нояб. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/pdf/key_documents/2010/package/mn_opinion_2010_en.pdf (accessed: 31.10.2020).

происходящих процессов. С одной стороны, даже после обретения независимости эта страна продолжала рассматриваться некоторыми исследователями (да и многими жителями) как часть Сербии или «разновидность сербской государственности» (Пономарева, 2010: 205). С другой стороны, процессы становления независимого государства с ориентацией на вступление в Евросоюз, а также уже состоявшееся вхождение в блок НАТО, актуализировали исследовательские вопросы, связанные с сохранением славянской идентичности и взаимоотношениями с этническими меньшинствами (Распопович, 2017; Клименко, 2017), в том числе в контексте отношения черногорских властей с Сербской православной церковью (Лункин, 2020). Появились исследования на тему «прозападного» курса страны и последствий такого выбора (Энтина и Коновалова, 2017; Gajić & Ponomareva, 2020; Кандель, 2020). В то же время российские политологи практически не уделяют внимания анализу происходящих в этой стране внутривнутриполитических процессов в ракурсе формирования национально-государственной идентичности.

Вместе с тем, политические события последних четырех лет и результаты парламентских выборов 2020 г. в этой стране наглядно продемонстрировали, что там происходят довольно интересные события, основанные на конфликте идентичностей, которые создают ситуацию неопределенности в государстве, где длительное время у власти находилась одна политическая сила (с 1990 по 2020 гг. – Демократическая партия социалистов (DPS) во главе с М. Джукановичем). Эти события отражают особенности развития не только Черногории, но и в целом государств после распада крупных политических образований, в данном случае Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ). Более глубокое понимание процессов, происходящих в Черногории, позволило бы расширить наш взгляд на проблемы формирования государства и нации во многих посткоммунистических странах. В статье рассматриваются особенности формирования национальной идентичности Черногории и их влияние на политический процесс в этой стране.

Границы, центр и периферия как факторы формирования государства и нации

Для решения основных задач нашей работы наиболее релевантным, по нашему мнению, является подход, предложенный еще С. Рокканом и его последователями. Представители данного научного направления рассматривают отношения между центрами и перифериями как важный фактор государственного строительства и национальной консолидации (Rokkan, 1999). С. Бартолини, один из последователей С. Роккана, предлагает рассматривать формирование любой территориальной политики в терминах консолидации центра и границ, определения критериев членства, а также политического структурирования (Bartolini, 2005). Подобная логика позволяет описать возникновение и развитие государства и нации в любой стране мира как процесс, предусматривающий территориальную консолидацию, формирование институциональной структуры политики и социокультурные механизмы объединения сообщества.

Внутреннее институциональное строительство и консолидация нации во многом связаны со стратегией строительства границ и возможностями «выхода», создаваемыми в результате применения этой стратегии и международным порядком. Границы определяют конфигурацию акторов и публичных (т. е. обязательных для потребления) ресурсов, «закрытых» на определенной территории. В ситуации «закрытости» возможности для «выхода» (например, в виде сецессии или массовой эмиграции) отсутствуют, что толкает акторов на укрывательство ресурсов, которыми они временно обладают, или участие в политической жизни и реализацию «голоса». Контроль над границами и сокращение возможностей «выхода» акторов генерируют процесс возрастания политического производства, механизмы легитимации центральной иерархии и структурирования политики (Bartolini, 2005: 29). Чем выше контроль над границами, тем больше возможностей у иерархических структур стабилизировать и легитимировать свои доминирующие позиции, и наоборот. Представители роккановской традиции выявили зависимость внутреннего структурирования политики и соответственно формирования нации от специфики консолидации центра и границ различного характера (политических, экономических, социальных и культурных), проанализировав не только территориальный, но и социокультурный (членский) аспекты этого процесса (Rokkan, 1987). Последнее обстоятельство предполагало, что принадлежность акторов к политическому сообществу, проблемы формирования нации определяются контролем центра не только за территориальными, но и за социокультурными границами, формируемыми социокультурными нормами и правилами членства. Кроме того, на примере европейских стран С. Роккан убедительно показал, что наличие внешних для какой-либо политики центров может осложнять процесс консолидации границ и формирования нации/государства.

В странах, возникших при распаде больших политий, часто сохраняется потенциальная открытость и несогласованность границ различного рода (территориальных, политических, культурных, конфессиональных, экономических и др.), сопровождающиеся рассеиванием контроля центра и отсутствием согласия населения по устанавливающим вопросам (Мелешкина, 2012; Мелешкина, 2013). Это условие может проявляться в том числе в наличии значительной доли национальных меньшинств, сходных в плане этнического происхождения с основным населением центра бывшего государства, и/или в их компактном проживании. Нерешенные проблемы национального и государственного строительства обуславливают использование при формировании идентичности «негативной» аргументации одними политическими силами, как правило, претендующими на роль строителей нации (отвержение символов, традиций, норм, носителем которых выступает или выступал бывший центр большого государства), и позитивной – другими. Несогласие по устанавливающим вопросам может усиливаться в связи с актами насилия или иными драматическими событиями, сопровождающими распад большой политии.

Как отмечает Р. Брубейкер, нацию можно рассматривать как «точку-зрения-на-мир» (Брубейкер, 2012), а соответственно соотношение возникающих и конкурирующих нарративов во многом определяют нынешние и будущие контуры национальной идентичности и наций в целом. Обстоятельства, связанные с дезинтеграцией Югославии, специфика новых независимых стран и нерешенность вопросов формирования нации/государств актуализировали противоречия между трактовками национальной общности, основанными на гражданских, государственных и иных, в том числе этнических, критериях или, как определяет Р. Брубейкер, между «государственно-фреймированными» и «контргосударственными» трактовками. В республиках бывшей СФРЮ широкое распространение получил «контргосударственный» вариант.

Что касается Черногории, то здесь не было таких трагических событий, которые сопровождали распад Югославии в ряде других республик. Однако исторические традиции, специфика национальной политики СФРЮ и события 1990-х годов наложили отпечаток на нынешнее политическое развитие и процесс формирования черногорской нации.

Исторические аспекты формирования национальной идентичности в Черногории

Как и большинство современных государств западных Балкан, Черногория имеет сложную историю. В средние века на ее территории существовало несколько государственных образований славян, наиболее заметной из которых была Зета. В XIV–XV вв. большинство районов нынешней Черногории оказались под властью Османской империи, а сама Зета в XV в. стала протекторатом Венеции. В самом конце XV в. самостоятельность Черногории была ликвидирована турками и на ее территории был образован Скадарский санджак. При этом ряд городов Боко-Которского залива остались под управлением Венеции. В отличие от равнинных местностей, в горной части Черногории не было турецких чиновников и феодалов, там развивалась собственная социальная иерархия и система управления. Черногорцы, проживавшие в горной местности, вели активную борьбу с властью Османской империи, в результате которой в конце XVIII в. Черногория фактически превратилась в самостоятельное государственное образование. Однако большая часть нынешней республики, включая территорию современной столицы – Подгорицы, оставалась в составе Османской империи, а Боко-Которский залив с 1815 г. – в составе Австро-Венгрии. Официально независимость Черногории была провозглашена в 1878 г.¹ Тогда же Черногория получила приморские и некоторые другие территории, включая Подгорицу и Никшич.

С 1918 по 1941 гг. Черногория входила в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Королевство Югославия). На территории оккупированной во время Второй мировой войны в Черногории была предпринята попытка создания марионеточного Королевства Черногории, но в 1945 г. она снова стала частью Югославии, получив в 1946 г. статус одной из шести ее республик.

На референдуме 1992 г. подавляющее большинство населения республики проголосовало за нахождение в составе Югославии, и с 1992 по 2003 гг. Черногория была членом Союзной республики Югославия. В первой половине 1990-х гг. власти Черногории поддерживали военную политику С. Милошевича, а черногорские резервисты участвовали в военных действиях в районе Дубровника, а также в Боснии и Герцеговине. Однако во второй половине 1990-х гг. официальное отношение черногорских властей к политике сербского режима изменилось, был взят курс на большую автономию Черногории и публичное дистанцирование от режима С. Милошевича (с 1997 г.). С 2003 по 2006 гг.

¹ По условиям Берлинского трактата, подписанного 1 (13) июля 1878 г. по итогам Берлинского конгресса.

республика входила в состав конфедеративного Государственного союза Сербии и Черногории, а в 2006 г., после референдума, была провозглашена независимой¹.

Сложная историческая судьба Черногории, вхождение ее территорий в состав различных государственных образований, определили мультиэтнический состав ее населения и наличие разных культурных традиций. Существование Черногории в составе Югославии не способствовало закреплению единой политической идентичности населения республики. Во многом это было связано с попыткой коммунистов в рамках СФРЮ создать единый югославский народ, объединенный общей идеологической рамкой. Частным примером результата такой политики можно назвать изменение в Черногории фамилий албанцев-католиков, добавлявших к своим фамилиям славянский суффикс – *ić* (Pavlović, 2003: 92).

Националистические призывы в югославских реалиях рассматривались как обращенные к прошлому препятствия на пути к прогрессу. В рамках данной политики допускались лишь этнографические формы проявления особенностей культуры. Кроме того, новые внутренние административные границы страны не учитывали традиционную историческую и этнокультурную специфику региона. Образование федерации «братских народов» привело к искусственному дроблению и изоляции прежде единых национальных общностей (треть сербов оказалась вне пределов Республики Сербия), а также появлению новых народов — мусульман (сербы, принявшие в период османского владычества ислам) и югославов (в основном дети от смешанных браков) (Allworth, 1994).

Таким образом, проводимая в СФРЮ политика в целом явилась фактором, осложнявшим решение задач по консолидации границ государственного и национального строительства в республиках после распада социалистической Югославии. Справедливо это утверждение и для Черногории: композиция этнического состава населения Черногории довольно сложная. Существует, как минимум, два уровня проблем, которые сложно решить проведением единой политики по отношению ко всем «нечерногорским» этническим группам. Отношения черногорцев с сербами и представителями других (малочисленных) этносов выстраиваются по-разному, по крайней мере, на политическом уровне.

Размежевания между черногорцами и сербами, между черногорским государством и сербской православной церковью

Самыми большими этническими группами республики являются черногорцы и сербы. Как отмечают исследователи, аргументируя свою позицию отсылками к истории и современным данным, различия между черногорской и сербской идентичностью определяются в основном не примордиалистскими факторами, а представляют яркий пример социального конструкта. Об этом, например, говорят результаты переписей населения (Vuković, 2016; Džankić, 2014): в 2003 г. по сравнению с 1991 г. существенно увеличилась доля сербов, в отличие от черногорцев и югославов (см. табл.). Данные опроса 2016 г. показывают, что 30% считающих себя черногорцами не видят разницы между двумя основными этническими группами страны (Stankov, 2020: 3).

Основные этнические группы Черногории (по данным переписей населения, %)

Этнические группы	1971 г.	1981 г.	1991 г.	2003 г.	2011 г.
Черногорцы	67,2	68,5	61,8	43,2	45,0
Мусульмане	13,3	13,4	14,6	4,0	3,3
Бошняки	-	-	-	7,8	8,6
Сербы	7,5	3,3	9,3	32	28,7
Албанцы	6,7	6,5	6,6	5	4,9
Югославы	2,1	5,4	4,3	0,3	0,2

Источники: Rudić V. (1995) The Ethnic Structure of the Population in Montenegro, *The Serbian Questions in The Balkans*. Belgrade. URL: <https://www.rastko.rs/istorija/srbi-balkan/vrudic-montenegro.html>; Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u 2003. Stanovištvo nacionalna ili etnička pripadnost: Podaci po naseljima i opštinama, Podgorica: Zavod za statistiku Republike Crne Gore, 2004; Census 2011 data – Montenegro, Uprava za statistiku. URL: <http://www.monstat.org/eng/page.php?id=393&pageid=57>

¹ Montenegro declares independence (2006), *BBC*, 4 июня. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/5043462.stm> (accessed: 11.11.2020).

Различия в идентификации не могли не сказаться на отношении населения к вопросу о независимости страны. Многие противники независимого государства и черногорской идентичности считали черногорцев сербами, живущими в географическом регионе под названием Черногория. Среди них были распространены представления о Черногории как «вершине» восточного православия, и о черногорцах – как о «самых лучших сербах» (Pavlović, 2003: 93–95).

После распада социалистической Югославии и образования Федеративной республики Югославия встал вопрос, волновавший многих черногорцев: равны ли две входившие в нее республики? Белград и Подгорица, как и в 1918 г., высказывали противоположные аргументы, касающиеся природы совместного государства. В итоге подобные споры послужили основанием для дистанцирования Черногории от Сербии: сначала в 1997 г. – от режима С. Милошевича и его политики (Pavlović, 2003: 94)¹, а затем и в 2006 г. – от единого с сербами государственного образования. С тех пор политическая жизнь Черногории окрашена противоречиями между сторонниками и противниками полностью независимого от Сербии государства (Bešić & Spasojević, 2018; Vuković, 2016)².

Результаты референдума 2006 г. были приняты практически всеми внутривластными акторами, но споры о природе черногорской нации и собственного языка продолжились (Darmanović, 2007; Moch'tak, 2015; Džankić, 2014 a). Фактором, поддерживающим сербскую идентификацию значительной доли населения Черногории, является активная роль просербских политических элит и Сербской православной церкви в политической жизни страны. Они пользуются поддержкой официальных властей Сербии, которые публично дистанцируются от вмешательства во внутренние дела своего соседа, но неформально поддерживают сербское население. Так, например, Т. Николич, будучи президентом Сербии, в неофициальной беседе выступил с идеей изменения Черногорской Конституции, в которой, по его мнению, должен быть закреплён статус сербов не как этнического меньшинства, а как государствообразующего этноса вместе с черногорцами³. Дискуссии относительно попытки государственного переворота в преддверии парламентских выборов 2016 г. были отчасти свидетельством серьезных разногласий относительно природы черногорского государства и дальнейшей поляризации политической системы республики (Vuković, 2017).

Длительное время находившийся у власти М. Джуканович и Демократическая партия социалистов Черногории (ДПС) старались предпринять различные усилия для уменьшения влияния Сербии. Такая позиция проявилась, например, в вопросе об официальном признании и наименовании черногорского языка. Дебаты по этому поводу длились несколько лет в крайне политизированной форме:⁴ в 2007 г. новая Конституция Черногории закрепила государственный статус черногорского языка, который с 2011 г. официально стал применяться в образовательном процессе, а в 2017 г. – получил признание Международной организации по стандартизации⁵.

Кроме того, в Черногории провозглашается принцип одного гражданства (ст. 8 Закона о гражданстве)⁶, в отличие от Сербии, которая предоставляет возможность иметь второе гражданство, в том числе по экстерриториальному признаку (Stjepanović, 2015). Подобная политика позволяет Черногории несколько смягчить политическое влияние Сербии и укрепить имидж страны как независимого государства (Džankić, 2014).

Значительную роль в усилиях по формированию национальной идентичности, предпринимаемых партией М. Джукановича, сыграл политический прагматизм. При этом аргументы за или против независимости были связаны с различной интерпретацией исторических событий, в том числе Великого народного собрания 1918 г., когда Черногория как часть Сербии вошла в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев. Сторонники независимости делали акцент на незаконности и неле-

¹ Такая политика черногорских властей во многом помогла выйти из международной изоляции, в которую страна попала из-за санкций ООН 1992 г. (Morrison, 2018).

² Раскол правящей партии DPS на две части в 1997 г. был, пожалуй, наиболее важным событием политической жизни страны, связанный с мобилизацией этничности.

³ Analitika (2014), *Portalanalitika.me*, 30 янв. URL: <http://www.portalanalitika.me> (accessed: 13.11.2020).

⁴ Montenegro Says Farewell to 'Mother Tongue' (2010), *Balkaninsight*, 20 сент. URL: <https://balkaninsight.com/2010/09/20/montenegro-says-farewell-to-mother-tongue/> (accessed: 12.11.2020). Согласно результатам социологического опроса 2011 г., 95% сербов, проживающих в Черногории, считают своим родным языком сербский, доля таких респондентов среди черногорцев – 25%, 63% от их общего количества называют своим родным языком черногорский. Источник: Nation building – Montenegro, Report. Ipsos Strategic Markening (2011). URL: https://www.hf.uio.no/ilos/forskning/prosjekter/nation-w-balkan/dokumenter/nb_montenegro.pdf (accessed: 13.11.2020).

⁵ Montenegrin Language Granted International Recognition (2017), *Balkaninsight*, 12 дек. URL: <https://balkaninsight.com/2017/12/12/montenegrin-language-gained-international-recognition-12-12-2017/> (accessed: 20.11.2020).

⁶ Закон о Crnogorskom, *Državljanstvu*. URL: <https://www.paragraf.me/propisi-crnegore/zakon-o-crnogorskom-drzavljanstvu.html> (accessed: 13.11.2020).

гальности этого решения, в то время как их противники заявляли, что это решение являлось выражением народной воли, которая и остается такой же по сей день. В 2018 г. (ровно через 100 лет) современный парламент Черногории, контролируемый на тот момент силами М. Джукановича, отменил решение Подгорской Скупщины 1918 г., признав его незаконным на государственном уровне.

Указанный внутривластный спор в 2020 г. вышел на международный уровень и стал причиной дипломатического скандала между Сербией и Черногорией. 28 ноября 2020 г. сербский посол высказал мнение, что решение Подгорской Скупщины 1918 г. – это акт «освобождения» и «свободной воли» черногорского народа. Данные слова были интерпретированы МИДом Черногории как «прямое принижение значения государства и парламента страны», поскольку «29 ноября 2018 г. решение об отмене прежнего суверенитета было признано незаконным и отменено современным парламентом»¹. Сербия применила в ответ «зеркальные» меры,² но уже на следующий день министр иностранных дел Сербии заявила, что после консультаций с Президентом страны данный шаг решено отменить³. Стоит отметить, что это событие случилось за несколько дней до утверждения нового Кабинета министров Черногории, в который вошли представители ранее оппозиционных (в основном просербских) сил. Это событие можно трактовать как провокацию со стороны уходящего в отставку кабинета министров. Так, епископ Сербской православной церкви (СПЦ) Будимлянско-Никшичский Иоанникий обвинил уходящую власть в лице М. Джукановича в намеренном разжигании «братской ненависти»⁴.

В целом отношения Сербской православной церкви с политическими и церковными институтами Черногории становятся важным фактором размежевания по этническому и политическому принципу между сербами и черногорцами. Ликвидированная в 1918 г. и восстановленная в 1993 г. как религиозная организация Черногорская православная церковь не признается другими православными церквями и не имеет существенных материальных ресурсов и поддержки населения. Некоторые исследователи отмечают стремление М. Джукановича усилить ЧПЦ и связывают это с желанием создать противовес епархиям Сербской патриархии (Лункин, 2020). Правившая до 2020 г. ДПС открыто не поддерживала СПЦ, что способствовало превращению религиозных разногласий в самостоятельный фактор черногорской или сербской национальной идентичности (Džankić, 2014 b). В свою очередь, СПЦ отрицает даже сам факт существования черногорской нации и языка (Stankov, 2020: 4). Как результат, в Черногории наблюдается рост доли людей, отмечающих наличие дискриминации по религиозному признаку: опрос, проведенный Советом Европы в 2017 г., показывал, что в сравнении с 2010 и 2015 гг. она выросла до 45%, причем восприятие дискриминации было самым высоким именно среди сербов и прихожан Сербской православной церкви⁵.

На новый уровень противостояние государства и церкви вышло в декабре 2019 г., когда был принят новый закон «О свободе вероисповедания и убеждений и правовом положении религиозных общин». Для легитимации решения проект закона рассматривался в Венецианской комиссии, которая предоставила в целом положительное заключение на законопроект, однако отметила, что статьи 62 и 63 являются спорными, но в задачи комиссии не входят оценки исторических фактов⁶. Наибольшее несогласие Сербской православной церкви и общественности вызвали именно указанные статьи, которые де-юре позволяют государству забрать у религиозных организаций церковные строения и недвижимость, построенные до 1918 г., если те не докажут право собственности на это имущество⁷.

¹ Saopštenje MVP (2020), *Ministarstvo vanjskih poslova*, 28 нояб. URL: <https://www.mvp.gov.me/vijesti/235662/Saopstenje-MVP.html> (accessed: 12.11.2020).

² Саопштење Министарства спољних послова Републике Србије. URL: <http://www.mfa.gov.rs/sr/index.php/pres-servis/saopstenja/22870-2020-11-28-17-51-22?format=pdf&lang=sr> (дата обращения: 24.11.2020).

³ Сербия не будет высылать черногорского посла (2020), *RuSerbia.com*, 29 нояб. URL: <https://ruserbia.com/korotkoj-strokoj/serbija-ne-budet-vysylat-chnogorskogo-posla/> (дата обращения: 28.11.2020).

⁴ Епископ Иоанникий: для уходящей черногорской власти нет лекарства (2020), *Православие.ru*, 29 нояб. URL: <https://pravoslavie.ru/135697.html> (дата обращения: 23.11.2020).

⁵ Bešić M. Discrimination patterns in Montenegro. URL: <https://rm.coe.int/analytical-report-human-rights-survey-discrimination-patterns-in-monte/168071b1e8> (accessed: 12.11.2020).

⁶ CDL-REF (2020)019-e. Montenegro - Law on freedom of religion or beliefs and legal status of religious communities, *Venice Commission*. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-REF\(2020\)019-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-REF(2020)019-e) (accessed: 20.11.2020).

⁷ Report on International Religious Freedom: Montenegro (2019), *US Department of State*. URL: <https://www.state.gov/reports/2019-report-on-international-religious-freedom/montenegro/?fbclid=IwAR2Rz3-Njb1oZX3Gp0VMVA7SZn3PBh5stltLcxuLrhDfefkPtLaYGHpH550> (accessed: 20.11.2020).

Интересно, что католическую церковь это вряд ли серьезно затронет, учитывая, что еще в 2011 г. премьер-министр И. Лукшич заключил с Папой Римским Бенедиктом XVI первый среди европейских стран с православным большинством конкордат – государственно-церковное соглашение, – что, по мнению представителей СПЦ, нарушает принцип равноправия верующих (Лункин, 2020).

Закон вызвал массовые протесты в Черногории и получил широкую общественную поддержку в соседней Сербии¹, президент которой заявил, что будет больше помогать черногорским сербам². Во время принятия закона 18 оппозиционных депутатов от Демократического фронта были арестованы за попытки срыва голосования в парламенте³.

Закон углубил раскол между черногорскими властями и Сербской православной церковью. Протесты продолжались на протяжении всего 2020 г., что в конечном счете напрямую повлияло на результаты голосования в новый парламент Черногории: силы, выступавшие против применения закона в предложенной редакции, смогли получить парламентское большинство и сформировать Правительство. Один из «светских» лидеров протеста З. Кривокапич в дальнейшем получил пост премьер-министра, после чего сразу заявил, что поправки в закон уже готовы и в скором времени будут внесены в парламент⁴.

Отношения черногорцев и сербов наиболее явно показывают проблемы формирования государства и нации в Черногории, свойственные «национальным революциям» (Rokkan, 1999): (1) размежевание по линии бывшего «центра» (Сербии) и «периферии» (Черногории) и соответственно между «строителями нации» и сербами; (2) размежевание между государством (Черногорией) и церковью (Сербская православная церковь), пересекающееся в случае с Черногорией с размежеванием между центром и периферией.

Черногорцы и этнические меньшинства

Помимо граждан, идентифицирующих себя как сербы (их сложно назвать меньшинством), довольно крупными этническими группами являются бошняки и албанцы, большинство из которых исповедуют ислам. Территориально эти меньшинства расселены ближе к границам Черногории (албанцы – рядом с Албанией и Косово, бошняки – в основном на севере страны). В республике проживает еще хорватская диаспора, однако она настолько малочисленна, что по итогам парламентских выборов 2020 г. ее представители не смогли преодолеть «льготный» избирательный порог для получения депутатского мандата⁵. Большинство хорватов проживают в районе Боко-Которского залива, недалеко от границы с Хорватией. Такое расселение меньшинств сложилось исторически, хотя миграция и переселение беженцев в связи с войной в Хорватии, Боснии и Герцеговине, а также Косовским конфликтом, наложили отпечаток на этническую картину соответствующих регионов. В частности, в 1999 г. в Черногорию переместились тысячи беженцев из Косово, большинство из которых были албанцами (Клименко, 2017).

Несмотря на то, что Черногории удалось избежать открытого вооруженного конфликта и этнических чисток после распада Югославии, попытки давления, случаи насилия и националистической пропаганды, направленные против бошняков и албанцев, имели место во время войны в Боснии, косовского конфликта и этнического конфликта в Македонии. К ним можно отнести случаи насилия над мусульманами и попытки произвести этнические чистки в северных районах страны во время активизации сербского национализма в начале 1990-х гг. (Allworth, 1994), судебный процесс над лидерами Партии демократического действия, обвиненными в сепаратизме в 1994 г., антиалбанскую пропаганду в конце эры Милошевича и др. Антиалбанские настроения распространяли в основном партии, политические установки которых включали в себя сербские националистические идеи: коалиция «Вместе за Югославию» (*Zajedno za Jugoslaviju*) и входящие в нее Социалистическая народная партия (*Socijalistička narodna partija, SNP*), Народная партия (*Narodna stranka, NS*) и Сербская народная партия (*Srpska narodna stranka, SNS*).

¹ Montenegrin Law on Religious Freedom: Polarization that benefits the government(s)? (2020), *European Western Balkans*, 13 янв. URL: <https://europeanwesternbalkans.com/2020/01/13/montenegrin-law-on-religious-freedom-polarization-that-benefits-the-governments/> (accessed: 20.11.2020).

² От всего сербства (2020), *Коммерсантъ*, 16 февр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4258702> (дата обращения: 23.11.2020).

³ Montenegro MPs arrested in clash over religious freedom law (2019), *BBC*, 27 дек. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-50923647> (accessed: 12.11.2020).

⁴ "Krizu prevazići reformama i znanjem", *RTCG*. URL: <http://rtcg.me/vijesti/politika/301645/krizu-prevazici-reformama-i-znanjem.html> (accessed: 12.11.2020).

⁵ Согласно законодательству Черногории, избирательные списки, представляющие национальные меньшинства, доля которых не превышает 15 % от общей численности населения, не преодолевших 3%-ный избирательный порог, все списки, представляющие одно и то же нацменьшинство, складываются. За каждые 0,7 % голосов избирателей предоставляется одно место в парламенте, но не более трех. Для хорватского меньшинства такой порог еще ниже – 0,35%, *Montenegro – Parliamentary Elections* (2020), *OSCE*, 30 August. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/3/7/462016_2.pdf (accessed: 01.12.2020).

Албанское и бошнякское население Черногории поддержали независимость страны, рассматривая ее как шанс на установление этнического мира и защиту от сербского национализма (Bieber, 2003; Bešić & Spasojević, 2018). Для выражения своих интересов и защиты прав они создавали этнические партии. Например, в начале 1990-х гг. с целью консолидации политической позиции, концентрации голосов мусульман и представительства их интересов была образована Партия демократического действия (*Stranka demokratske akcije*, SDA). Ее поддержала значительная часть мусульманского населения севера страны. В то же время в г. Плав и Гусинье, где наряду с бошняками проживают албанцы, была поддержана Партия национального равенства (*Stranka nacionalne ravnopravnosti*). На общеполитической арене эти структуры не имели особого успеха. В самом начале 1990-х гг. была образована первая этническая албанская партия – Демократическая лига (*Lidhja demokratike në Mal të Zi*, LDMZ), на первых выборах объединившая свои усилия с другими этническими партиями мусульман в рамках Демократической коалиции (*Demokratska koalicija*). В итоге коалиция получила 12 мест в парламенте, что стало лучшим результатом для меньшинств за всю современную историю страны.

Стоит отметить, что албанцы предпочитают голосовать в основном за малые этнические партии, в то время как бошняки поддерживали и мультиэтнические силы, выступавшие за независимость: Либеральный союз Черногории (*Liberalni savez Crne Gore*, LSCG) и Социал-демократическую партию (*Socijaldemokratska partija*, SDP) (Šistek & Dimitrovová, 2003: 171). После того, как М. Джуканович дистанцировался от политики С. Милошевича, а его ДПС стала выступать за большую автономию Черногории, толерантность и полиэтничность, популярность этой политической силы среди бошняков и албанцев стала возрастать: М. Джуканович и его администрация рассматривалась в качестве гарантов стабильности и мира в регионе.

Таким образом, независимость Черногории во многом стала возможна благодаря поддержке этнических меньшинств, особенно албанского населения (Morrison, 2018: 68), однако в дальнейшем албанские политики стали высказывать все больше недовольства политикой правящей ДПС, обвиняя ее в ужесточении избирательного законодательства в 2011 г., ущемлении имущественных прав, отсутствии решения вопроса об автономии района Туза, в коррупции и неравномерном доступе к ресурсам, связанным с ведением бизнеса (Клименко, 2017: 317–319; Dymarsky 2017: 212–213).

Важно отметить, что в целом этнические меньшинства не испытывают серьезной дискриминации по конфессиональному принципу¹, но отдельные проблемы присутствуют и иногда даже получают международную огласку. В частности, после парламентских выборов 2020 г. факты нападения на представителей мусульманской общины вызвали негативную реакцию международных акторов².

Новый закон о свободе вероисповедания, несмотря на то, что он касается всех религий, не вызвал протестов со стороны албанцев и бошняков. Более того, в составе правящей коалиции парламентские представители этнических меньшинств поддержали эту инициативу, благодаря чему она и была принята. В парламенте, избранном в 2016 г., 4 депутата представляли этнические меньшинства, после выборов 2020 г. таких стало уже 5, однако в правящую коалицию они не вошли и за новый состав правительства не голосовали³. Попытки привлечь в кабинет министров представителей этнических меньшинств⁴ не привели к какому-либо результату, однако вице-премьером в новом правительстве, курирующим силовой блок, стал лидер движения Объединенное реформистское действие (URA) Дритан Абазович, албанец по происхождению⁵.

Несмотря на недовольство властями, этнические меньшинства выступают значимым фактором поддержания прозападного внешнеполитического курса страны (Morrison, 2016). В частности, именно национальные меньшинства высказывают наибольшую поддержку властям при вхождении в

¹ Report on International Religious Freedom: Montenegro (2019), *US Department of State*. URL: <https://www.state.gov/reports/2019-report-on-international-religious-freedom/montenegro/?fbclid=IwAR2Rz3-Njb1oZX3Gp0MvMA7SZn3PBh5stiltcxuLrhDfefkPtLaYGHpH550> (accessed: 12.11.2020).

² По этому поводу высказались и в Еврокомиссии, и в МИДе Великобритании, ЕК ожидает от властей Черногории расследования нападения на мусульман (2020), *REGNUM*, 18 нояб. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3118928.html> (дата обращения: 23.11.2020); В Великобритании осудили нарушение прав меньшинств в Черногории (2020), *REGNUM*, 12 окт. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3087954.html> (дата обращения: 23.11.2020).

³ Skupština izabrala 42. Vladu Crne Gore (2020), *Skupština Crne Gore*, 4 дек. URL: <http://www.skupstina.me/index.php/me/sjednice-skupstine/item/4934-završena-treća-sjednica-drugog-redovnog-zasjedanja-u-2020-godini> (accessed: 03.12.2020).

⁴ Боснийская партия Черногории примет участие в формировании правительства (2020), *REGNUM*, 10 окт. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3086703.html> (дата обращения: 23.11.2020).

⁵ Abazović: Bojim se nestanka Albanaca u Crnoj Gori (2015), *Aljazeera. Balkans*, 16 апр. URL: <http://balkans.aljazeera.net/vijesti/abazovic-bojim-se-nestanka-albanaca-u-crnoj-gori> (accessed: 12.11.2020).

НАТО¹, а также выступают главными сторонниками евроинтеграции². По мнению политиков, представляющих эти этнические группы, вхождение в западные союзы позволит обеспечить необходимый уровень защиты меньшинств (Клименко, 2017), что потенциально приведет к укреплению политических позиций таких партий (Morrison, 2016).

Вместе с тем, сложное экономическое положение Черногории и представителей национальных меньшинств (особенно на севере Черногории), неравный доступ к ресурсам, нерешенность проблем с автономией отдельных территорий и сложности в сфере образования приводят к увеличению дистанции между черногорцами и малыми этническими группами. Это отражают и результаты социологических опросов, на основе которых еще до выборов 2020 г. некоторые исследователи предполагали, что, если ситуация с неравномерным доступом к ресурсам не изменится, то в перспективе это существенно повлияет на политическую ситуацию и поставит под вопрос доминирование одной партии (Vešić, 2019).

Современный этап национально-государственного строительства

На современные политические процессы в Черногории и перспективы национального и государственного строительства влияют не только этнические или конфессиональные размежевания внутри страны, но и международные игроки. С 2010 г. Черногория является кандидатом на вступление в Европейский союз, а с 2017 г. страна стала членом НАТО. Международные структуры (Еврокомиссия, ОБСЕ, Венская комиссия и др.), в том числе обеспечивающие процесс евроинтеграции, становятся важным актором внутривнутриполитической борьбы. Они не только устанавливают определенные рамки и выражают свое мнение относительно прогресса в выполнении пакетных требований для евроинтеграции. Апелляция к этим институтам используется внутри страны как средство легитимации принимаемых внутривнутриполитических решений (Комар, 2019). Стремление в Евросоюз обязывает черногорские власти оглядываться на позицию западных партнеров (Vukicevic, 2017), как минимум для выполнения всех пакетов требований ЕС и других европейских институтов (например, Венской комиссии), предъявляемых к странам-кандидатам³.

Стоит отметить, что в целом политические силы Черногории в настоящее время в основном солидарны относительно вопроса о курсе на евроинтеграцию (Morrison, 2018), это подтверждается и высказываниями лидеров новой правящей коалиции⁴. Нынешнюю ситуацию от периода парламентских выборов 2016 г. отличает только повод для раскола общества на два противоположных лагеря: предыдущая предвыборная кампания была связана с разногласиями между сторонниками и противниками вступления в НАТО.

Активизация переговоров о вступлении в НАТО началась незадолго до парламентских выборов⁵, которые рассматривались властями фактически как плебисцит по вопросу евроатлантической интеграции⁶. Последствием такого курса властей стало нагнетание антироссийских настроений в обществе, поскольку именно Россия рассматривалась главным противником процесса вступления в НАТО⁷. Кульминацией можно назвать задержание в день парламентских выборов 20 человек по подозрению в антиправительственном заговоре. Считалось, что их действия были направлены на дестабилизацию обстановки с целью привести к власти пророссийско настроенные силы и не допустить дальнейшего сближения отношений с западными странами⁸. Однако результаты выборов оказались

¹ Istraživanje javnog mnjenja Crne Gore o NATO – septembar 2014, CEDEM. URL: <https://www.cedem.me/component/jdownloads/send/29-politicko-javno-mnjenje/821-istraivanje-javnog-mnjenja-crne-gore-o-nato-integracijama> (accessed: 23.11.2020).

² Istraživanje CEDEM-a: Za EU najviše Bošnjaci i Muslimani, najmanje Srbi (2019), *Aktuelno*, 23 мая. URL: <https://www.aktuelno.me/politika/istraživanje-cedem-a-za-eu-najviše-bosnjaci-i-muslimani-najmanje-srbi/> (accessed: 03.12.2020).

³ Montenegro 2020 Report. Commission Staff Working Document (2020), *European Commission*, 6 окт. SWD (2020) 353 final, 131 p.

⁴ Bečić: Stagnacija na evropskom putu više nije opcija, za evropsku smjenu vlasti zaslužni i vlast i opozicija (2020), *Vijesti*, 8 дек. URL: <https://www.vijesti.me/vijesti/politika/492917/becic-stagnacija-na-evropskom-putu-vise-nije-opcija-za-evropsku-smjenu-vlasti-zasluzni-i-vlast-i-opozicija> (accessed: 03.12.2020).

⁵ 19 мая 2016 г. подписан протокол о присоединении, а 5 июня 2017 г. Черногория официально стала членом НАТО.

⁶ Montenegrins Vote Online to Stay out of NATO (2016), *Balkan Insight*, 13 апр. URL: <https://balkaninsight.com/2016/04/13/montenegrins-vote-online-to-keep-military-neutrality-04-12-2016/> (accessed: 03.12.2020).

⁷ Позиция официальных представителей России была достаточно категоричной. Источник: В Брюсселе подписан протокол о вступлении Черногории в НАТО (2016), *Парламентская газета*, 19 мая. URL: <https://www.pnp.ru/in-world/2016/05/19/v-bryussele-podpisan-protokol-ovstuplenii-chernogorii-v-nato.html> (дата посещения: 03.12.2020).

⁸ Bajrović, R., Garčević, V., Kramer, R. Hanging by a Thread: Russia's Policy of Destabilization in Montenegro, *Foreign Policy Research Institute*. URL: <https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2018/07/kraemer-rfp5.pdf> (accessed: 05.12.2020).

для М. Джукановича и его сторонников успешными, большинство парламентариев (46 из 81) поддержало инициативу, но оппозиционные партии бойкотировали голосование и продолжали настаивать на проведении референдума¹. После вступления в НАТО тема отношений Черногории с Россией ушла на второй план, обнажив старые этнические и конфессиональные проблемы в стране.

После выборов 2016 г. власти предприняли попытки изменить правила представительства интересов национальных меньшинств с помощью избирательной реформы, разработка которой началась в 2018 г., но не нашла поддержки у оппозиции на фоне рассмотрения закона о свободе вероисповедания². При относительно положительной оценке Венецианской комиссией новой законодательной инициативы и уже принятых точечных мер по оптимизации избирательного законодательства³, реформа не состоялась из-за отсутствия поддержки квалифицированного большинства в $\frac{2}{3}$ голосов парламентариев⁴. В итоге на данный момент так и не удалось выработать действенных институциональных решений, которые бы не зависели от политической конъюнктуры и обеспечивали стабильное представительство и защиту интересов различных этнических групп в управлении страной, что и показали результаты парламентских выборов 2020 г.

Выборы 2020 г. проходили на волне протестов сторонников Сербской православной церкви против нового закона о свободе вероисповедания, к чему добавились экономические и политические проблемы, вызванные пандемией COVID-19. Наблюдатели ОБСЕ в своем докладе отметили, что предвыборный период характеризовался атмосферой высокой поляризации общества по вопросам церковной и этнической идентичности⁵. В этот избирательный цикл Сербская православная церковь стала реальным политическим актором: церковные иерархи, а особенно митрополит Амфилохий, активно призывали православных христиан на мирные протесты (так называемые литии), а также тесно общались с лидерами оппозиционных альянсов⁶.

Что касается представительства этнических меньшинств, то их интересы представляли 5 из 11 зарегистрированных избирательных списков (1 – бошняков, по 2 – хорватов и албанцев)⁷. Югославы тоже пытались выдвинуть свой список по квоте национальных меньшинств, однако избирательная комиссия отказала им в таком праве⁸.

По результатам голосования 30 августа 2020 г. партия М. Джукановича ДПС получила лишь относительное большинство голосов (30 мандатов, на 6 меньше, чем в прошлом созыве), что не позволило ей участвовать в формировании кабинета министров со своими традиционными союзниками по коалиции – «Социал-демократами Черногории» (3 мандата), Бошнякской партией (3 мандата) и «Албанским списком» (3 мандата)⁹. В то же время представители трех оппозиционных альянсов, выступавших не только против политики М. Джукановича, но и против принятого закона о свободе вероисповедания, совместно смогли набрать 41 место в парламенте: «За будущее Черногории» (27 мандатов), Мир – наша нация (10 мандатов), Объединённое реформистское действие (URA, 4 мандата). В итоге именно эти политические силы получили право формировать Правительство, а их лидеры заняли ключевые государственные посты в парламенте и правительстве.

Новый Кабинет министров Черногории, утвержденный 4 декабря 2020 г., позиционируется как «неполитическое правительство», или «правительство экспертов», все члены которого беспар-

¹ Montenegro's parliament ratifies NATO membership (2017), *Politico*, 28 апр. URL: <https://www.politico.eu/article/montenegros-parliament-ratifies-nato-membership/> (accessed: 05.12.2020).

² Demokrate napustile odbor: Povuci iz procedure zakon koji izaziva medunacionalnu mrznju (2019), *VoP*, 10 дек. URL: <https://volimpodgoricu.me/2019/12/10/demokrate-napustile-odbor-povuci-iz-procedure-zakon-koji-izaziva-medjunacionalnu-mrznju/> (accessed: 07.12.2020).

³ 989/2020 - Montenegro - Joint urgent opinion on the draft Law on elections of members of the Parliament and councillors of Montenegro (2020), *Venice commission*. URL: <https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?opinion=989&year=all> (accessed: 07.12.2020).

⁴ Статья 91 Конституции Черногории. Источник: *Ustav Crne Gore, Skupština Crne Gore*. URL: <http://www.skupstina.me/images/dokumenti/ustav-crne-gore.pdf> (accessed: 09.12.2020).

⁵ Montenegro – Parliamentary Elections (2020), *OSCE*, 30 August. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/3/7/462016_2.pdf (accessed: 09.12.2020).

⁶ «Кто не будет верен единокровной России, дай Бог, чтоб мясо с него живого отпадало» (2020), *Коммерсантъ*, 1 нояб. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4557365> (дата посещения: 09.12.2020).

⁷ Zbirnu izbornu listu za izbor poslanika u skupstinu crne gore na izborima koji će se održati 30. avgusta 2020 godine. URL: <https://dik.co.me/wp-content/uploads/2020/08/zbirna-izborna-lista-2020-2.pdf> (accessed: 09.12.2020).

⁸ Югославов не признали нацией в Черногории (2020), *Балканист*, 9 авг. URL: <https://balkanist.ru/yugoslavov-ne-priznali-natsiej-v-chernogorii/> (дата посещения 10.12.2020).

⁹ Saopštenje nakon 149. sjednice Komisije, *Državna izborna komisija Crne Gora*. URL: <https://dik.co.me/saopstenje-nakon-149-sjednice-komisije/> (accessed: 11.12.2020).

тийны¹. Такая позиция новой власти в лице премьер-министра З. Кривокапича способна помочь сгладить этнические, политические и конфессиональные разногласия, существующие в стране. Вместе с тем, конфликты по этническому и конфессиональному признаку на современном этапе развития Черногорского государства свидетельствуют об отсутствии эффективных институциональных решений, обеспечивающих аккомодацию глубоких размежеваний в обществе и диалог, направленный на достижение консенсуса между противоборствующими политическими силами в стране (Bieber, 2010).

* * *

Политическое развитие Черногории после распада Югославии является ярким примером влияния проблем в отношениях между центром и периферией, обусловленных оставленными в наследство историческими традициями, системой расселения и организации власти в бывших крупных полициях, частью которых ранее являлось новое государство. В Черногории такую роль играют межэтнические и государственно-церковные противоречия. В первом случае это связано с тем, что в стране проживают представители разных этнонациональных групп (черногорцев, сербов, бошняков, албанцев, хорватов), имеющие порой различные представления о национальной идентичности и природе черногорского государства. Во втором – Сербская православная церковь и Сербия как внешний центр активно поддерживают позиции черногорских сербов, ограничивая возможности гражданских властей строить независимую черногорскую нацию и государство.

Заинтересованность этнических меньшинств (в первую очередь, бошняков и албанцев) в поддержке межэтнического мира и отказ правящей ДПС и ее лидера М.Джукановича от проведения политики формирования нации, основанной на исключении по этническому принципу, способствовали поддержке этническими меньшинствами проводимой политики в течение длительного времени и существованию режима доминирования одной политической силы. Принимаемые решения относительно правил гражданства, а также закрепление на законодательном уровне статуса черногорской нации и черногорского языка объективно содействовали укреплению самостоятельности государства и ограничению влияния на нее Сербии.

В то же время стоит отметить, что в Черногории практически не сложилось стабильно действующих эффективных институтов принятия политических решений с учетом интересов различных этнических групп и достижения консенсуса между ними. В свою очередь обострение противоречий между государством и Сербской православной церковью на фоне экономических проблем, вызванных пандемией COVID-19, обусловили актуализацию межэтнических конфликтов. Это привело к ослаблению поддержки правящей ДПС и к победе оппозиции на парламентских выборах 2020 г.

Определенную роль в политической жизни республики играют и другие центры – международные акторы, в том числе Россия. Однако чаще всего они рассматриваются черногорскими политическими силами как символический или материальный ресурс, а их реальное воздействие на внутриполитический процесс ограничено. Можно предположить, что влияние структур ЕС в дальнейшем будет усиливаться в связи с развитием процесса евроинтеграции, но пока это лишь одна из возможных перспектив. В свою очередь, на повестке дня уже сейчас стоит вопрос решения межнациональных разногласий, существующих в условиях несформировавшейся общегражданской идентичности и отсутствия эффективных институтов достижения согласия. Именно эта проблема будет определять специфику политического процесса в ближайшем будущем.

¹ За исключением Д. Абазовича, которого можно считать политической фигурой, обеспечивающей связь с албанским населением при отсутствии в коалиции представителей этнических меньшинств, Montenegro Elects First Government Without Djukanovic Party (2020), *Balkaninsight*, 4 дек. URL: <https://balkaninsight.com/2020/12/04/montenegro-elects-first-government-without-djukanovic-party/> (accessed: 11.12.2020).

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-011-00662) в Институте научной информации по общественным наукам РАН.

Список литературы / References

- Брубейкер, Р. (2012) *Этничность без групп*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики. [Brubaker, R. (2012) *Ethnicity Without Groups* [Etnichnost' bez grupp]. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. (In Russ.)].
- Журбей, Е. В. (2006) 'Разрешение сепаратистских конфликтов посредством политики «европеизации» (на примере Сербии и Черногории)', *Ойкумена. Регионоведческие исследования*, 1, сс. 69–80. [Zhurbey, E.V. (2006) 'Resolution of secession conflicts by the policy of «Europeanization» (on the example of Serbia and Montenegro)' [Razreshenie secessionistskih konfliktov posredstvom politiki «evropeizacii» (na primere Serbii i Chernogorii)], *Ojkuмена. Regional researches*, 1, pp. 69–80. (In Russ.)].
- Кандель, П. Е. (2020) 'Балканские дилеммы Евросоюза', *Современная Европа*, 2, сс. 123–130. [Kandel, P.E. (2020) 'The EU's Balkan dilemmas' [Balkanskie dilemmy Evrosoyuza], *Contemporary Europe*, 2, pp. 123–130. (In Russ.)].
- Клименко, З. В. (2017) 'Албанский вопрос в Черногории', *Проблемы истории, филологии, культуры*, 4, сс. 309–334. [Klimenko, Z. V. (2017) 'The albanian question in Montenegro' [Albanskiy vopros v Chernogorii], *Journal of historical, philological and cultural studies*, 4, pp. 309–334. (In Russ.)].
- Лункин, Р. (2020) 'Борьба церкви и власти в Черногории: игры авторитарного национализма', *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, 1, сс. 100–107. [Lunkin, R. (2020) 'The struggle of the church and state in Montenegro: the games of the authoritarian nationalism' [Bor'ba cerkvi i vlasti v Chernogorii: igry avtoritarnogo nacionalizma], *Scientific and Analytical Herald of Institute of Europe Russian Academy of Sciences*, 1, pp. 100–107. (In Russ.)].
- Мелешкина, Е. Ю. (2012) *Формирование новых государств в Восточной Европе*. Москва: ИНИОН РАН. [Meleshkina, E. Yu. (2012) *Formation of new states in Eastern Europe* [Formirovanie novyh gosudarstv v Vostochnoj Evrope]. Moscow: IN-ION RAN. (In Russ.)].
- Мелешкина, Е. Ю. (2013) 'Постимперские пространства: Особенности формирования государств и наций', *Политическая наука*, 3, сс. 10–29. [Meleshkina, E. Yu. (2013) 'Post-imperial Spaces: Features of the Formation of States and Nations' [Postimperskie prostranstva: Osobennosti formirovaniya gosudarstv i nacij], *Political Science (RU)*, 3, pp. 10–29. (In Russ.)].
- Пономарева, Е. Г. (2010) *Новые государства на Балканах*. Москва: МГИМО-Университет. [Ponomareva, E. G. (2010) *New states in the Balkans* [Novye gosudarstva na Balkanah]. Moscow: MGIMO-University. (In Russ.)].
- Распопович, Р. (2017) 'Возможности сохранения и укрепления славянской идентичности в условиях распада славянских государств (на примере получения независимости Черногорией)', *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2(22), сс. 77–84. [Raspopovic, R. (2017) 'Possibilities to have the Slavic Identity preserved and strengthened under the circumstances of the Slavic countries dissolution (on the example of Montenegro's regained independence)' [Vozmozhnosti sohraneniya i ukrepleniya slavjanskoj identichnosti v uslovijah raspada slavjanskih gosudarstv (na primere poluchenija nezavisimosti Chernogoriej)], *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2(22), pp. 77–84. (In Russ.)].
- Энтина, Е. Г., Коновалова, Н. А. (2017) 'Переходные общества сквозь призму "Греческой болезни" (на примере Черногории)', *Современная Европа*, 3(75), сс. 62–71. [Entina, E. G., Konovalova, N. A. (2017) 'Transition societies through the "Greek disease" prism: example of Montenegro' [Perehodnye obshhestva skvoz' prizmu "Grecheskoj bolezni" (na primere Chernogorii)], *Contemporary Europe*, 3(75), pp. 62–71. (In Russ.)].
- Allworth, E. (1994) *Muslim Communities Reemerge: Historical Perspectives on Nationality, Politics, and Opposition in the Former Soviet Union and Yugoslavia*. Duke University Press.

- Bartolini, S. (2005) *Restructuring Europe: centre formation, system building, and political structuring between the Nation State and the European Union*. Oxford: Oxford University Press.
- Bešić, M. (2019) 'Etnička distanca u Crnoj Gori deset godina nakon sticanja nezavisnosti', *Stanovništvo*, 57(1), pp. 1–25, DOI: 10.2298/STNV190226002B.
- Bešić, M., Spasojević, D. (2018) 'Montenegro, NATO and the divided society', *Communist and Post-Communist Studies*, 51(2), pp. 139–150.
- Bieber, F. (2003) *Montenegrin politics since the disintegration of Yugoslavia. Montenegro in Transition – Problems of Identity and Statehood*. Baden-Baden, Germany: Nomos Verlagsgesellschaft, pp. 11–43.
- Bieber, F. (2010) *The Party System of Montenegro, Party Politics in the Western Balkans*, ed. by V. Stojarova, P. Emerson. Abingdon, New York: Routledge.
- Darmanović, S. (2007) 'Montenegro: A miracle in the Balkans', *Journal of Democracy*, 18 (2), pp. 152–59, DOI:10.1353/jod.2007.0021.
- Dymarski, M. (2017) 'Political situation of ethnic minority groups in independent Montenegro', *Studia Środkowoeuropejskie i Bałkanistyczne*, Tom XXVI, pp. 205–219, DOI:10.4467/2543733XSSB.17.033.8331.
- Džankić, J. (2014a) 'Citizenship between the 'image of the nation' and 'the image of politics': the case of Montenegro', *Southeast European and Black Sea Studies*, 14(1), pp. 43–64, DOI: 10.1080/14683857.2014.882075.
- Džankić, J. (2014b) 'From Creeping to Sprinting — The Foreign Policy of Montenegro' in: *The Foreign Policies of Post-Yugoslav States — From Yugoslavia to Europe*, ed. by S. Keil, B. Stahl. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan, pp.173–197.
- Džankić, J., Soeren, K. (2017) 'State-sponsored Populism and the Rise of Populist Governance: The Case of Montenegro', *Journal of Balkan and Near Eastern*, 19(4), pp. 1–16.
- Gajić, S., Ponomareva, E. G. (2020) 'Accelerated expansion of NATO into the Balkans as a consequence of Euro-Atlantic Discord', *MGIMO Review of International Relations*, 13(2), pp. 70–93, DOI:10.24833/2071-8160-2020-2-71-70-93.
- Jenne, E., Bieber, F. (2014) 'Situational Nationalism: Nation-Building in the Balkans, Subversive Institutions and the Montenegrin Paradox', *Ethnopolitics*, 13 (5), pp. 431–460.
- Komar, O. (2019) 'The elephant in the room: illiberal politics in Montenegro', *Southeast European and Black Sea Studies*, 21, pp. 61–80, DOI: 10.1080/14683857.2020.1703495.
- Komar, O., Živković, S. (2016) 'Montenegro: A Democracy without Alternations', *East European Politics & Societies*, 30 (4), pp. 1–20 (785–804), DOI: 30.10.1177/0888325416652229.
- Moch'tak, M. (2015) 'Democratization and electoral violence in post-communism. A study of Montenegro', *Southeast European and Black Sea Studies*, 15 (1), pp. 97–117, DOI:10.1080/14683857.2015.1007754.
- Monastiriotis, V., Zilic, I. (2020) 'The economic effects of political disintegration: Lessons from Serbia and Montenegro', *European Journal of Political Economy*, 65, 101938, <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2020.101938>.
- Morrison, K. (2016) 'Ethnic Minority Parties in Montenegro: From Marginalization to Integration', in: Ramet, S. & Valenta, M. (eds.) *Ethnic Minorities and Politics in Post-Socialist Southeastern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 138–153. DOI:10.1017/CBO9781316671290.009
- Morrison, K. (2017) 'The Trajectory and Parameters of Democratic Transition in Montenegro' in: Ramet, S., Hassenstab, C. & Linstead, O. (eds.) *Building Democracy in the Yugoslav Successor States: Accomplishments, Setbacks, and Challenges since 1990*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 345–368. DOI:10.1017/9781316848289.014
- Morrison, K. (2018) *Nationalism, Identity and Statehood in Post-Yugoslav Montenegro*. London: Bloomsbury Academic.
- Pavlović, S. (2003) 'Who are Montenegrins? Statehood, identity, and civic society' in: Bieber F. (ed.) *Montenegro in Transition Problems of Identity and Statehood*. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, pp. 83–106.
- Rokkan, S. (1987) *The Center-Periphery Polarity, Center Periphery Structures in Europe: An ISSC Workbook in Comparative Analysis*. Frankfurt a. M. and N.Y.: Campus Verl. pp. 17–50.
- Rokkan, S. (1999) *State formation, nation-building, and mass politics in Europe: The*

- theory of Stein Rokkan*. Ed. by P. Flora, Oxford: Oxford university press.
- Šistek, F., Dimitrovová, B. (2003) 'National minorities in Montenegro after the break-up of Yugoslavia' in: Bieber F. (ed.) *Montenegro in Transition Problems of Identity and Statehood*. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, pp. 159–180.
- Stankov, N. (2020) 'Voting, clientelism, and identity: experimental evidence from Montenegro', *Southeast European and Black Sea Studies*, 20 (3), pp. 473–489, DOI: 10.1080/14683857.2020.1766862.
- Stjepanović, D. (2015) 'Claimed Co-ethnics and Kin-State Citizenship in Southeastern Europe', *Ethnopolitics*, 14 (2), pp. 140–158.
- Šturanović, P. (2018) 'Political parties and their influence on the parliamentary mandate after the fall of communism in Montenegro and Serbia', *Studia Politica*, 18, pp. 423–446.
- Vučković, V. (2019) 'Nationalism, Identity and Statehood in Post-Yugoslav Montenegro', *Europe-Asia Studies*, 71(8), pp. 1427–1429, DOI: 10.1080/09668136.2019.1664149.
- Vukicevic, B. (2017) 'Foreign Relations of Post-Independence Montenegro: A Change of Direction', *Lithuanian Foreign Policy Review*, 36, pp. 107–135, DOI: 10.1515/lfpr-2017-0003.
- Vuković, I. (2016) 'Population censuses in Montenegro – a century of national identity 'repacking'', *Contemporary Southeast Europe*, 3 (1), pp. 126–141.
- Vuković, I. (2017) 'Montenegro: Nations in Transit 2017', *Freedom House*. Available at: URL: <https://freedomhouse.org/sites/default/files/Montenegro.pdf> (Accessed: 30.10.2020).

Статья поступила в редакцию: 20.11.2020

Статья принята к печати: 25.12.2020

MONTENEGRO IN SEARCH OF NATIONAL AND STATE IDENTITY

E. Yu. Meleshkina, I. A. Pomigiev

E. Yu. Meleshkina, Doctor of Political science, Chief researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow. E-mail: elenameleshkina@yandex.ru (ORCID: 0000-0003-1339-7150).

I. A. Pomigiev, PhD in Political science, Associate Professor at the Department of Political science, Research fellow, Financial University under the Government of Russian Federation, Russia, Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow. E-mail: pomilya@mail.ru (ORCID: 0000-0003-3068-5664).

Abstract

The article analyzes the political development of Montenegro from the state- and nation-building perspective. This process takes place in the context of multi-ethnicity and disagreements about national and religious identity. The concept of center-peripheral polarity by S. Rokkan is used as the main analytical tool. It reveals the influence of relations between centers and the peripheries on state and nation-building. The authors examine the historical aspects of the national identity formation in Montenegro. The article focuses on the factors that complicate the process of state- and nation-building, including the institutional ones. The authors consider problems of different levels that hinder the implementation of a unified national policy in relation to all «non-Montenegrin» groups: the cleavages between Montenegrins and Serbs, between Montenegrins and other ethnic minorities, between the Montenegrin state and the Serbian Orthodox Church. The article analyzes the current stage of nation- and state-building, the peculiarities of the influence of external actors on this process. The results of the 2020 parliamentary elections, when the opposition came to power largely due to the active position of the Serbian Orthodox Church are also discussed. The authors come to a conclusion about the effectiveness of institutions that must provide political decision-making and consensus-building between different ethnic groups.

Keywords: Montenegro; SFRY; state formation; nation-building; center; periphery; national minorities; national identity.